

Любовь Шишелина

О современной исторической политике или: «что нового в истории»?

Аннотация. В статье анализируется современный этап развития центральноевропейских обществ с фокусом на формирование в регионе новой национально-государственной идеологии. Подчеркивается, что в российской политической элите к большому сожалению отсутствует понимание данного этапа процесса реформ, который неуловим для взора прагматиков от бизнеса. Между тем, именно это непонимание и продолжение рефлексивных действий Москвы в духе «патрон — клиент», еще больше усугубляет и без того непростые наши взаимоотношения как с отдельными странами, так и с регионом в целом. Автор подчеркивает, что политика памяти свойственна всем современным государствам и имеет свойство видоизменяться в соответствии с требованиями дня. Для центральноевропейских стран это как никогда сложная задача — сформировать пантеон идеологически приемлемых национальных героев и одновременно вписаться в общеевропейский ценностный контекст.

Ключевые слова. Центральная Европа, политика памяти, историческая политика, трансформации, национально-государственная идеология.

В первые годы перестройки, щедро одаривавшей нас «новыми историческими открытиями», целью которых, вероятно, было совершить перелом в сознании наиболее консервативно настроенной части советского общества, и ускорить смену государственной идеологии и мировоззрения, популярной была фраза «мы страна с непредсказуемым прошлым». Последние события в наших отношениях с Центральной Европой (и не только, но по большей части с ней) вполне способны добавить в этот ряд перефраз о непредсказуемости истории наших отношений. И в самом деле, Россия не вписалась в позитивном ключе ни в один из судьбоносных юбилеев, ни в одну из памятных дат, торжественно отмечавшихся последние три года в этой части Европы. Напротив, на их фоне лишь нарастали обвинения в адрес России касается ли это действий Красной армии, Царской России, либо госаппарата СССР и его же компартии.

А эти годы действительно были переполнены величественными историческими «круглыми датами», одно перечисление которых может занять не менее страницы: начиная с дня окончания Первой мировой войны и времени образования новых государств в Центре Европы — как и самого понятия Центральная Европа, — до создания СЭВ и юбилея Бархатных революций, отказавшихся от него. В 2019 отмечались юбилеи членства стран Центральной Европы в НАТО и в ЕС. И в следующем, 2021 году — который откроет 30-летие Вишеградской группы — нас ждет еще череда юбилеев не менее судьбоносных для региона событий. Чем обусловлены столь многочисленные совпадения дат? Приверженность символизму чисел, отраженная в стремлении политиков приурочить к очередной круглой дате другой не менее яркий жест? К концу второго десятилетия XXI века «сошлись» юбилеи событий, которые мы можем считать не просто поворотными в европейской истории, но и событиями геополитического значения... И все они касаются Центральной Европы, в свое время Восточной, которую затертый цитированием Маккиндер определил как регион — опору глобальных перемен. Можно по-разному относиться к его растиражированной с начала 1990-х гг. формулировке «Кто контролирует Восточную Европу... тот управляет миром», но разве не так? Разве не события конца 1980-х, начала 1990-х гг. в этой части Европы определили развитие всей системы международных отношений на последовавшие десятилетия?

Что касается российской политики, то Центральной Европы вообще нет в последней ее концепции. И это в то время, когда регион оказался полем большой схватки сверхдержав, США и Китая, что неприкрыто раздражает Европейский союз, членом которого он стал 16 лет назад. Россия тоже там присутствует, но как-то вне мейнстрима, т.е. так, что это не является предметом публичной гордости ни для региона, ни для

отдельных его стран. Обычно перечисляя российские визиты и проекты, их пытаются ввести в окружение других важных встреч с европейскими и мировыми лидерами, подчеркивая приверженность магистральной линии. Мы даже не вписались в знаковые центральноевропейские празднества, и не сумели найти общего знаменателя для мемориальных дат, к которым надо было готовиться заранее, не за год и не за два, а концептуально. Скорее всего потому, что у нас так и не появилось концепции дальнейшего развития отношений с Центральной Европой. Не приняли в Чехии попытки некоторых наших «политологов» сблизиться на теме осуждения «мюнхенского стовора» в его 80-ю годовщину, не пожелали обсуждать с нами темы словацкого и польского восстаний, поставив в центр событий «прозападные интерпретации» и обвинив советское командование в нежелании оказать помощь. Мы не приняли участия в мероприятиях по поводу 30-летия бархатных революций, даже несмотря на упоминание положительной роли Москвы в этих событиях. И не использовали еще целый ряд возможностей для сохранения хотя бы части совместного (не единого как раньше) исторического мемориального поля. А все выше упомянутое вместе, еще больше отдаляет нас, наши страны друг от друга и, к сожалению, не приближает к пониманию, что «не газом единым», и не атомом можно восполнять угасающие наши взаимоотношения. На площадях сменяются памятники, заменяются таблички с названиями улиц, возникают мемориалы, отражающие новую национальную идеологию и кардинальную смену эпох. Одно время мы, по мнению наших центральноевропейских коллег, продвигались вместе, как казалось, в одном направлении преодоления тоталитаризма (Родкевич, 2002: 202), но это совмещение длилось недолго. Почему?

Оставим пока один, по нашему мнению, немаловажный факт — а именно то, что взгляд прагматичной российской политической элиты три десятилетия был устремлен все же западнее Карловых Вар. Западная Европа и США казались ей наиболее материально выгодными партнерами. С бывшими же союзниками — отношения развивались волнообразно. Сначала они угасали, так как Москва должна была выплачивать долги, признанные ею при роспуске СЭВ. Потом экономическая составляющая начала демонстрировать тенденцию к росту. Причем она восстанавливалась на фоне вступления этих стран в ЕС. В эту пору даже строились проекты продления российской ширококолейки до Дуная, до Будапешта или до Вены... Параллельно восстановились и поддерживались достаточно интенсивные гуманитарные связи. Конец этим планам положил кризис вокруг Украины 2013-2014 гг. Вот уже вторую пятилетку ширококолейка, укоротившись, заканчивается у границы с Украиной, а самолеты летают

в Центральную Европу через Польшу. Экономические санкции самым губительным образом стали действовать на общий климат отношений, поскольку ударили в первую очередь по наиболее расположенному к взаимодействию и взаимопониманию среднему классу в наших странах. А самыми громкими событиями двусторонних отношений стали взаимные высылки дипломатов.

Этот период совпал с завершающим этапом формирования в центральноевропейских странах национально-государственной идеологии. Ее становление заняло гораздо больше времени, нежели реформа экономики и политики, дорожной картой для которых служили — среди прочего — и рекомендации ЕС, как маяковой структуры для этих стран в мире разбушевавшихся после падения СССР нешуточных геополитических страстей. Евроатлантика предложила странам, вышедшим из коммунистической системы «набор ценностей», и призвала на них равняться. Национальную же, национально-государственную идеологию — а в Центральной Европе возродилась еще и региональная — пришлось долго формировать, сочетая со стремлением не потерять себя как Центральную Европу, как регион со времени основания 100 лет назад пытающийся реализовать собственные свободолобивые национально-государственные идеалы, которые не потонули бы в море общеевропейских ценностей как однажды это уже случилось с волной коммунистических...

Китай пошел своим путем и смог создать передовую экономику, формально не посягая на идеологические устои, оберегаемые компартией, по прежнему рулевой для китайцев. Однако в странах Восточной — ныне Центральной — Европы идеология была главной целью революций, и как 30 лет назад казалось, наиболее простой и быстро осуществимой — достаточно лишь смены элит. Однако все оказалось сложнее. Местные идеологии пришлось не просто воссоздавать, комбинируя докоммунистические традиции с позитивным наследием соцсистемы (а такое все же тоже было), но еще и — по причине вхождения в новые интеграции — встраивать в возобладавший в евроатлантике либеральный контекст, активно сопротивлявшийся всему национально-консервативному.

Потому непросто пришлось с поправками в национальное законодательство, которые страны не успели провести до 2004 года и попытались осуществить уже став членами Европейского союза. Это и ставшая по той причине знаменитой на весь мир венгерская конституция; и польские законы о печати и конституционном суде, принятые с возвращением к власти ПиС; и еще до того сопротивление стран Центральной Европы при принятии Лиссабонского договора; и нынешнее своеобразие взгляда на миграцию.

Все эти годы в странах шел процесс зарождения нового, центрально-европейского взгляда на меняющийся мир и свое место в нем. И вот здесь начинается то, что сегодня можно назвать образованием исторического занавеса. Поскольку мы, поэкспериментировав на историческом поле в конце 1980-х — начале 1990-х, и не найдя общенационального консенсуса, стали постепенно и весьма пунктирно и зыбко возвращаться к образам советского прошлого, выбрав в череде дат истории далеко не все, которые могли бы вернуть нас в общеевропейский и мировой контекст. В то же время в странах Центральной Европы пошли по пути именно «возвращения в Европу» как было заявлено на начальном этапе «бархатных революций». Но мы, продолжая считать лишь товарооборот, упорно этого не замечали, упустив из виду столь важную эволюцию региона.

В социалистическое время при наших академиях наук существовали совместные комиссии историков, которые порой в острой полемике, но формировали некое подобие общего методического руководства по истории, с которым более или менее могли согласиться стороны, не опасаясь национальной критики. Особенно сложно давалось совмещение оценок по военным и «революционным» вопросам. И соглашались историки чаще с нашей интерпретацией большинства магистральных вопросов.

На рубеже 1990-х под этим отрезком исторического творчества была подведена жирная черта, поскольку в политику и к власти в центральноевропейских странах пришли те, кто все это время представлял собой «системную оппозицию», т.н. политико-философский андеграунд. Они не считали и не считают себя «реакционерами», «заговорщиками», «группировками» и т.п. Десятилетия они жили в других представлениях о своих странах, в иной системе координат, иначе оценивали события, через которые им пришлось пройти, в большинстве случаев ценой упущенных возможностей карьерного роста или просто более почетной и комфортной социализации. Понимая это — ныне ушедший в разряд непопулярных, либо неоднозначных политиков своего времени Янош Кадар — нашел один путь возможного примирения нации в лозунге «тот, кто не против нас, то с нами».

В одних странах пошли по радикальному пути обновления элиты и идеологии, в других менее. Новая историческая правда приживалась не сразу и не во всех слоях общества, можно предположить, что и до сих пор в них есть процент тех, «кто не с нами»...и тех, кто «против нас», однако это противоречие сегодня нашло выход в полноценной многопартийной системе, где нет понятия «партия власти», но существует множество объединений, основанных не на принципе «за» или «против», а на идее, на конкретном видении будущего страны. Здесь есть и схожие представления о национальном пути, есть и расходящиеся, однако если ориенти-

роваться на научную общественность, то некий консенсус относительно магистрального направления все же наблюдается.

У нас же, будучи три десятилетия оторванными от объективной картины происходящего в Центральной Европе часто продолжают ностальгировать о роли Москвы в соцлагере, даже не будучи сами готовы туда вернуться. В то же время анализирующие ситуацию в этих странах эксперты и политики остаются невостребованными, а их предостережения и предложения остаются без рассмотрения. Таким образом, мы наблюдаем нарастающую и очень тревожную оторванность практической политики от качественной экспертной среды. Слово *качественной* следует подчеркнуть особенно в наше лихое время экранного жанра. В результате мы даже не можем удержать интерес к себе на некогда общем геополитическом пространстве (в уже давно потерявшем смысл «СНГ»), не говоря о каких-то более далеко простирающихся инициативах.

Несмотря на накапливающуюся разницу во взглядах с брюссельской элитой на ряд важных проблем — таких как определение судьбы нелегальных мигрантов; роли традиционной семьи в обществе, например, страны Центральной Европы продолжают оставаться приверженцами общеевропейского процесса, так как не видят ему альтернативы. Экономические выгоды от членства в ЕС в системе современных страновых приоритетов зачастую подталкивают лидеров вступать на тропу компромиссов, оставляя на второй круг попытки дальнейшего продвижения национальных интересов.

Что касается современного этапа в идеологической эволюции Центральной Европы, то для стран, присоединившихся к ЕС в 2004 году, важно было вписать в свою новую историю концепцию приемлемую для трансатлантических союзников. Так, во время недавнего посещения Чехии госсекретарь США М. Помпео возложил венок к памятнику «Спасибо Америка», в Будапеште Виктор Орбан по соседству с памятником советским воинам открыл памятник Джорджу Бушу. В Праге, памятник Коневу был убран с постамента в 6-м районе чешской столицы. Однако надо быть точными: большинство военных и советских памятников массово убиралось с улиц и площадей центральноевропейских городов еще в 1990-е годы, после ухода советской армии. А сегодня уже происходит демонтаж последних штрихов советского наследия, при котором подвергается сомнению роль Красной армии в освобождении Европы, эффект советской послевоенной интеграции — СЭВ и т.д. Т.е. убираются остатки «неорганичной интеграции» второй половины 1990-х (Niederhauser, 2001).

В целом в Центральной Европе зарождается новая архитектура государственных символов, празднеств, идеалов. В центральноевропейском историческом сообществе утверждаются представления о класси-

ческой исторической школе, связанные прежде всего с выдающимися западными университетами (Rók, 2018). Созданное же в советское время признается наносным, результатом утвердившейся после 1949 года здесь идеологии. «Строительство советской империи от Эльбы до Владивостока и от Балтийского моря до Адриатического и Черного открыло могучую поддержку марксистско-ленинскому (не просто сталинскому) историческому мировоззрению и способствовало созданию институциональной структуры для подготовки основанных на этом мировоззрении работ» (Ibid. 50). В то же время, несмотря на тонны бессмысленных пропагандистских брошюр, пишет венгерский историк, в тех же творческих мастерских рождались действительно ценные исторические работы, не базировавшиеся на марксистско-ленинской идеологии.

История переписывается и у нас, и у них, и в этот раз не совместно. Даже достаточно взять учебник наших современных ученых о конкретных странах. До 1990 года одни оценки событий, после — в переработанных изданиях — другие. Не буду перечислять конкретные названия, поскольку лично знаю многих коллег и их внутреннюю борьбу в плюс к сопровождавшей каждый выпуск дискуссии, поскольку уважаю их за глубину знаний и надеюсь на то, что им удастся оставить новому поколению реальное отражение собственных представлений об истории противоречивого времени, о котором они пишут.

В самих странах есть те, кто стоит на своем и недоволен позицией СССР времен Горбачева, но их сравнительно немного. Больше тех, кто пишет уже в новом мейнстриме. Есть и те, кто критикует этот мейнстрим, но с совершенно объективных позиций. Можно привести работы молодого польского ученого Матеуша Мадзини, который отмечает как в современной польской историографии роль личностей (Валенса) и течений (Солидарность) выталкиваются на задний план, а на передний торжественно вносится, например, роль католической церкви (Иоанн Павел II)¹.

Или посмотрим на судьбу памятника Имре Надю в Венгрии, который пропал из сквера, открывавшего обзор величественной парламентской площади, а спустя время возник уже в другом, менее связанном с современной государственной идеологией месте.

Можно привести уникальную работу, выполненную в рамках проекта Международного Вишеградского фонда «Межнациональное против национального: взгляд на современную центральноевропейскую историю» (Transnational versus national..., 2017), где авторы из четырех вишеград-

1 Remembrance and Memory Politics – Presentation delivered at 24th summer University in Kőszeg, Hungary on July 2, 2019.
URL: <https://www.youtube.com/channel/UCYs6GYNsP2A6kLiBnDt5ehA>

ских стран пытаются проникнуть в сознание народа, в котором герои одних считались врагами других и таким путем понять мотивы ответственности лидеров перед нацией, а заодно нащупать путь к примирению в центре Европы. Этой работе можно было бы присвоить особый статус, как труду, способствующему возникновению общей региональной идеологии. Нам можно поучиться у вишеградских ученых и политиков как они умеют находить компромисс ради будущего, в то время как у нас нет пока ни одного хотя бы двухстороннего проекта с аналогичным результатом. Эта работа над собой, конечно, включает не только гуманитарную сферу, но она — один из важнейших элементов большого проекта под названием «будущее». Не волновать нас оно не может.

Если не складывается у политиков, проседают в диалоге бизнесмены, то на данном этапе надо помочь поддержать диалог ученым. Диалог, который, имеет огромный потенциал. И еще оставить дело созидания своего национального проекта будущего самим народам, не вмешиваясь в него. Не нравятся им советские памятники-символы из коммунистического прошлого — мы не можем настаивать на их сохранении, но мы можем просить сохранять захоронения павших в тяжелых боях солдат в должном порядке. Это уже общечеловеческие ценности. Народ, создающий новую идеологию, естественно, стремится к героизации роли своих предков в истории, как бы они не воспринимались противной стороной. Мучительно, а порой даже с разрушением — увы — одних и воздвижением новых монументов и памятников, столбится новый путь нации, находится объяснение тем или иным поступкам, совершенным предводителями народов в годы войн и не только. И здесь и там идет процесс адаптации истории. Увы, видимо такова неразрывная связь нашей науки с политикой. Как отметила в вышеупомянутой книге словацкий историк Ольга Дярфашова, «национальная память — это социальный, культурный и политический продукт, который меняется со временем и имеет свою историю развития» (Gyarfasova, 2017: 74). В то время как социальная и культурная память, пишет автор, исходит как бы «снизу» (изнутри), трансформируясь от поколения к поколению; национальная память представляет собой более гомогенную конструкцию, закрепленную на фундаменте политических институтов, окруженных символами и памятными мероприятиями, которые воздействуют на общество «сверху». «Следовательно национальная историческая память не стабильное сооружение. Она меняется в соответствии с текущими социальными и политическими условиями и постоянно адаптируется к конкретным нуждам и ценностям» (Ibid. 75).

Сегодня завершается этап формирования ценностных ориентиров центральноевропейских обществ, и это многое объясняет. Каждая нация

формирует свой пантеон национальных героев, и это только их решение и право. И пусть наши представления сегодня порой не сочетаются, у нас еще есть будущее, чтобы применить в нем уроки истории. Надо учиться относиться к происходящему с большей эмпатией и терпением, исключая в нем усугубляющие положение и не работающие на общее будущее рефлексивные шаги.

REFERENCES

- Gyarfasova, O.* (2017). Historical consciousness in the Visegrad Four, in: Vit M., Baran Magdalena M. (eds.) *Transnational versus national: perspectives on Contemporary Central European History*. Stuttgart, Ibidem.
- Niederhauser, E.* (2001). Kelet-Európa története [History of Eastern Europe]. *História*. Bp.
- Pók, A.* (2018). A múlt hatalma [The power of the past]. iASK, Szombathely.
- Rodkewicz, V.* (2002). Vneshnepoliticheskoe myshlenie pol'skoj i russkoj jelit i shansy na pragmaticheskoe pol'sko-rossijskoe partnerstvo [Foreign policy thinking of the Polish and Russian elites and the chances for a pragmatic Polish-Russian partnership], in: *Sbornik statej uchastnikov IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Rossija i Central'naja Evropa v novyh geopoliticheskikh real'nostjakh*. Moskva, 14 – 16 ijunja 2001 g [Proceedings by the participants of the IV international scientific conference Russia and Central Europe in new geopolitical realities. Moscow, June 14-16, 2001]. Moscow : IMEPI RAN.
- Vit M., Baran Magdalena M.* (eds.) (2017). *Transnational versus national: perspectives on Contemporary Central European History*. Stuttgart, Ibidem.

Reflections on Modern Historical Politics or: “What’s new in History”?

Author. Shishelina L., Doctor of Sciences (History), Head of Department for Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. E-mail: l.shishelina@gmail.com

Abstract. The article analyzes the current stage of development of Central European societies with a focus on the formation of a new national-state ideology. It is emphasized that the Russian political elite unfortunately does not understand this stage of the reform process, which is elusive for business pragmatists. Meanwhile, this lack of understanding and the continuation of Moscow's reflexive actions in the spirit of “patron-client” further aggravates our too fragile relations either with individual countries or with the region as a whole. The author emphasizes that the policy of memory is characteristic of all modern States and tends to change in accordance with the requirements of the day. For the Central European countries, it is more difficult than ever to create a Pantheon of ideologically acceptable national heroes and at the same time fit into the European value context.

Key words: Central Europe, politics of memory, historical politics, transformations, national and state ideology.